

Чем дальше от Москвы, тем романтичнее и громче звучит Большой стиль. Тем чаще отождествляют его не с нашей, лишь в прошлом году рожденной конференцией, а с обновленным Союзом писателей, с решением стратегических задач новейшей словесности, с давно ожидаемым поворотом литературного процесса от клановых проектов к народности.

Когда провинциальные интеллигенты мыслят именно так, они задают неудобные вопросы. Ведь если ты считаешь Большой стиль важным субъектом, ждешь его соответствия эпическому идеалу. Ряд вопросов я озвучу.

Три года назад «Наш современник», главный русский журнал, перестал быть главным русским журналом. Он перезагрузился так, что от героизма не осталось и следа. «Наш современник» оказался детской площадкой для совсем не безобидного инфантилизма АСПИР. Был удален огромный архив русской словесности, вместе с текстами Селезнёва, Кожинова, Лихоносова, Андрея Антипина.

Теперь стёрт и сам АСПИР, но архив «Современника» до сих пор не восстановлен. «Наш современник» и был Большим стилем. Теперь его нет. Конференция с таким названием есть, а большого журнала нет. Почему? Что случилось?

Большой — это о качестве или всё же о количестве и соединении без различения? Еще в прошлом году было очевидно, что Большой стиль сознательно и смело противопоставлен «Большой книге», которая вокруг одноименной премии выстраивала не только целый мир либеральных практик, но и объявляла их единственно возможными. Совсем ведь не случайно сразу после начала спецоперации многие лауреаты «Большой книги», их институты критики и рекламы стали на всех углах сообщать, что другой литературы у нас в России нет. «Только мы!»

Не является ли новый формат Союза писателей искусственным соединением всех флагов без разговора об ответственности за катастрофу словесности? Почему мы, провинциалы, листая списки жюри самых разных премий, видим одних и тех же людей? Впрочем, и раньше мы видели практически их одних!

Кто имел власть над литературой в нулевых и десятых, сохраняют ее и сейчас? Это только кажется или на самом деле, что серьезные финансы и перспективы сохранения руля уже творят чудеса компромиссов, но это еще далеко не всё?

А если так, то есть ли вообще Большой стиль?

Что он такое? Жажда тоталитарных начал в культуре, просьба о государственном присутствии или закономерная цель словесности, которая желает преодолеть хорошо продаваемую страсть к тьме? Это всего лишь трехдневная конференция или рыцарский орден на просторах Русской Идеи?

А что такое Большой стиль для меня? Несогласие с «горизонтальным положением», с презрением к бессмертию нашей души, с превращением литературы в коммерческий проект. Большой стиль — это лестница, с которой мы можем упасть и разбиться, потому что всякая высота — трудно и больно. Но подъём необходим, иначе потеряем не только литературу.

Ухожу от политических вопросов и масштабных контекстов к собственно творческим, более конкретным.

Большой стиль не кнут для писателя, не руководство по созданию шедевров и даже не благоприятный режим для эпоса. Это позиция критика, публициста, идеолога литпроцесса. Рискну сказать, что писатель может быть любым, да он и не спросит нас — каким ему быть.

Большой стиль сейчас важен для пишущих о литературе, для превращающих прозу и поэзию в единую словесность, в главные речи времени.

Иногда моим собеседникам нравится «Одсун» Алексея Варламова («Большая книга» — 2024) или роман Андрея Дмитриева «Ветер Трои» (возможно, главный претендент на ту же премию 2025 года). Добрые книги, интеллигентные герои, мужчина говорливее и слабее женщины, философия истории словно рушится под натиском рвущегося в центр аутсайдера.

Когда мне необходимо показать оппозицию Большому стилю, я вспоминаю романы Варламова и Дмитриева. Дело не в герое и даже не в авторе, а в том сознании-протагонисте, в высшей инстанции текста, которая призывает заплакать и успокоиться. Поэтому считаю неполиткорректный, кризисный разговор о таких успешных книгах совершенно необходимым. Особенно в контексте Большого стиля. Здесь не должно быть страха перед лауреатами.

Недавно появилась программная статья многоопытного Анатолия Самуиловича Салуцкого «Смена матрицы. Литература: время обновления». Там много интересного, почитайте. Салуцкий пишет и о «вырождении литературной критики». Один из симптомов: «в критику массово ринулись литературоведы, вузовская доцентура и профессура, составившие чуть ли не большинство докладчиков первой конференции «Большой стиль». Впрочем, вторая, похоже, в этом смысле превзойдёт её...». Там досталось и мне, правда, без фамилии: «в анализ современной словесности массово ударились (...) знатоки зарубежной литературы, страдающие красноречием, исследователи литературных апокрифов, умеющие зорко всматриваться в эсхатологические дали». К «осмыслению жизненных явлений» литературоведы, по мнению Анатолия Самуиловича, не готовы.

Согласен, что опасность присутствует. Вузовское литературоведение, отравленное индексами успешности, необходимостью статусных статей и диссертаций, может превратить любой стиль в карнавал пустот.

Однако ситуация сложнее. Региональные союзы писателей с каждым месяцем работают всё интереснее, но — на мой взгляд — не хватает кадров, мало молодых. Пространством Большого стиля должны стать университеты, гуманитарные факультеты, прежде всего, филфаки. Сколько там прекрасных девушек и парней, которые погружены в литературу по зову сердца и учебным обязанностям одновременно!

Мой опыт подсказывает: когда ты с магистрантами и даже бакалаврами обсуждаешь роман Дмитрия Филиппова «Собиратели тишины», решаешь три задачи сразу. Студенты видят современность и философию истории иначе, чем видели раньше. Текст сражающегося Филиппова прирастает новыми смыслами и контекстами. Наконец, идет совершенно не скучная работа над современным литературным каноном.

Студенты могут многое дать Большому стилю! Литературная канонизация новейших текстов через критиков — это нормально. Подобная работа в университетской среде лишней не будет.

Взрослые (особенно те, кто лично знал Советский Союз) хотят новых эпосов. Юные закономерно болеют эгоцентризмом, стремятся получить максимальный опыт субъективности. Мы ищем стиль большой, они — свой. В начале октября участвовал в работе Школы литературного мастерства имени Ивана Вараввы. Она была организована Союзом писателей в Краснодаре. Вместе с Александром Александровичем Кораблевым обсуждал десять прозаических текстов, написанных шестью девушками и четырьмя молодыми мужчинами.

Мое первое чувство — шок! Они не хотят современной жизни, не чувствуют истории, для них не существует боли сражающейся страны! Боевики, фэнтези, магический реализм, футбол, собачки, проблемы армянской свадьбы — где тут реальность, преображенная искусством? Но после двенадцати часов общения с авторами могу сказать: надо иметь терпение, чтобы выйти на связь с действительной глубиной тех, кто кажется полным эгоистом. А на самом деле — ищет свою точку взлета.

Опыт молодых пригодится и в расширении сетевой словесности Большого стиля. Пока здесь победы отсутствуют. Возьмем самое востребованное — Телеграм. У премии «Слово» 30 подписчиков, у Союза писателей России — 2600. У бодрых противников это устроено иначе. Почти 50 тысяч листает «Рыбу Лоцман» — Галину Юзефович. Она работает просто: личная книжность + новинки + свободное перемещение по всей мировой литературе + умная ненависть к России + литературные и политические события в стране и мире + идеология. Последняя составляющая превращает как бы болтовню в ежедневную проповедь. И десять лет назад, и сейчас Юзефович служит своему (не нашему) большому стилю — глобализму. Думаю, что методология этого служения, использование «интересного» для поэтики и пропаганды одновременно — заслуживает внимания.

Многие согласны: центр нового русского канона — военная проза и поэзия: например, Анна Долгарева значительно работает там и там. Не менее важно для нашей новейшей русской литературы развитие сюжета, который я бы назвал «внутренним Донбассом». Этот образ подсказала мне книга севастопольца Платона Беседина «Как исчезает дым». Она показывает, как объемна нынешняя война, как страшна и одновременно подвижна линия боевого соприкосновения — в том случае, когда писатель пишет о драме мобилизации, даже когда она не предусматривает отправления на фронт.

Это важно, чтобы «внутренний Донбасс» победил одну из ключевых стратегий постсоветской словесности — «внутреннюю Монголию», в которой не только постмодернистский «буддизм» Пелевина, но и еще одна важнейшая составляющая пелевинского (и не только) мира — деньги, деньги, еще раз деньги.

Если финансово одержимые литераторы не понизят свой статус, если не перестанет субъект риторической успешности бодро осваивать искусственный интеллект, никакой Большой стиль не состоится.

Беседин очень современный словесник: бьется за себя, негодует, жалуется, рекламирует. И все равно часто в печали от ограниченности художественного слова. Но особенно помощь нужна тем, кто ни к какой самопрезентации не способен. Год назад я говорил о потрясающей повести Андрея Антипина «Дядька». После спланированного поражения «Нашего современника» ее вообще невозможно прочитать, сам рассылаю соратникам файл с лучшим текстом русской прозы XXI века.

Помощь мастеров словесности не повредит и Александру Можаяеву, автору удивительного по силе романа «За чертой». Можаяев в сентябре приезжал в Краснодар, на Селезнёвские чтения. На писателя вообще не похож! Здоровье слабое, к златоустам отношения не имеет. Но какая же мощь в романе о донбасской трагедии! Большой стиль должен стать уверенным голосом скромных. Шустрые сами пробьются — и к деньгам, и к тиражам.

Большой стиль и его время напоминают эпоху великого русского Раскола XVII века. Есть такой вопрос: Россия — это антизападная крепость или спасительный для всех шаг к всемирности?

Большой стиль не должен бояться западной литературы, он должен заняться ее колонизацией могучими силами национального языка. Когда-то американский литературовед Харольд Блум предложил «Западный канон» (там есть и русское) — страстную книгу о великой словесности, которую активно уничтожает глобализм. Там центр — Шекспир, у нас центр иной. Мы правильно отвечаем «Русским каноном». Но если наш стиль по-настоящему боевой, лучше ответить «Русским каноном всемирной литературы».

Нам нужна такая книга, написанная современными мастерами! Уж точно не помешает апология литературы как оправдание классического человека, попавшего в зону тяжелой турбулентности. И в этом контексте христианский Запад — наш сложный союзник, сейчас он тоже под ударом. А в одном из своих главных явлений Большой стиль — состоявшаяся история всемирной словесности, с русским вектором движения.

«Русская версия западной литературы», «Русская зарубежная литература». Я преподаю ее в Кубанском университете больше тридцати лет. Поверьте, это работает, это актуально. Например, если в стандартный курс европейского Средневековья добавить библейский пролог и византийские сюжеты, Запад сделает шаг навстречу Третьему Риму. Он начнет работать на Русскую Идею. Книга Иова и Житие человека Божия Алексия не слабее «Нибелунгов» и Данте. Да, работать в аудиториях, но и это не мало.

Опыт классицизма и соцреализма сейчас вспоминаем часто, но нам необходим ренессанс. Не флорентийский, а Русский Ренессанс! Мне нравится Большой стиль как идея цветущей сложности, его цель — сделать новейшую русскую литературу побеждающей на Западе, всемирной. В чем ее ценность, отмененная за последние десятилетия? Мощь языка, нравственная философия, поиск социальной правды, религия. Но это о классике и о XX веке.

Главных противников на этом пути двое: «иноагенты» и «фарисеи». Я бы не сказал, что с первыми все ясно сразу. Дело ведь не только в высказываниях о России. Важны их поэтика и дидактика, которые помещают человека в кокон неповторимой, агрессивной и любимой самости, перемещают из страны, народа и государства. Перемещают куда? Я бы назвал это место камерой гностических неврозов. Конечно, лучше сказать попроще.

С теми, кто спорно назван «фарисеями», еще сложнее. Катастрофу советской словесности забывать нельзя. Отсутствие зазора между литературой и государством привело к двум смертям: и литературы, и государства. Технология этого ужаса — размножавшего диссидентов и лицемеров, а потом принявшего на вооружение молот «возвращенной литературы» — выпустила на свет таких монстров, что Советский Союз был обречен.

Об этом стоит помнить и Союзу писателей. Тот противорусский сценарий может быть снова навязан. Смотрите, иноагенты окутаны зоной безопасности! Они знают, где говорить. Желаящие свободно находят, как их слушать. Но нам говорить о них опасно. Курсовые и дипломные с разбором их грехов? Лучше не надо! А в диссертациях? Поставить звездочку? Нет, на всякий случай — убрать! На недавней лекции для профессионалов говорил о том, как устроено мышление от нас уехавших. Подробно, минут пятнадцать. «Я так и не понял, зачем вы упомянули иноагентов?», — спросил искренний и бдительный слушатель. Значки, скобки, молчание...

Если цензура разгуляется по-настоящему, Большой стиль станет памятником самому себе — уже не живому.

Останется ли Большой стиль этикетным проектом, знаком осторожного внимания к новым отношениям государства и литературы? Такой риск есть. Если этот стиль действительно Большой, предстоит совместная работа с государством по очищению от негодных элит, рожденных постсоветским распадом и построением нового «фарисейства». Они сумели обоже- ствить наживу и связанные с нею контексты. Литература может сказать об этом нужные слова.

Словесность Большого стиля, включая литературу и публицистику, эссеистику и блогерство, обязана стать оружием государства в борьбе с самым устойчивым демоном — с кастовым духом самодостаточной бюрократии, грозящим переместить Россию в злейший анекдот.

Большой стиль — это апология литературы, но не маленького литературоцентризма. Это присутствие слова, переходящего в дело. Следовательно, его задачи в среде литературоведов и критиков только начинаются, но не заканчиваются.